

Александров Д.В.,

*кандидат социологических наук, доцент кафедры философии
Мелитопольского государственного педагогического университета имени Б.Хмельницкого*

КОНСТЕЛЛЯЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ ВО ВЛАСТНОМ ПОЛЕ ОТНОШЕНИЙ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОИСКИ

Аннотация. В статье предпринимается попытка методологического обоснования последовательности возникновения и механизма реализации «локалов» политических интересов. Основное внимание автора сосредоточено на выявлении теоретических положений, обуславливающих концептуальность, системность существующих подходов к пониманию констелляции политических интересов, на выяснении сущностных аспектов, лежащих в основе данного явления.

Ключевые слова: политический интерес, констелляция, методология, властные отношения.

На сегодняшний день в справочной политологической литературе понятие «политический интерес» определяется довольно широко как «реальная причина политических событий и действий, стоящая за непосредственными мотивами, идеями участвующих в этих действиях индивидов, социальных групп, классов и государств» [1, С.47]. Ввиду того, что с момента первых употреблений в политической науке политический интерес не обрел понятийной четкости и единого поля значений, в целях раскрытия проблемы констелляции политических интересов под интересами мы будем понимать и политико-правовые механизмы удовлетворения потребности во власти, и основу формирования, развития и легитимации властной структуры общества, и объект отражения и движущую силу законотворческой деятельности, и проявления политических стремлений и ориентаций субъектов взаимодействия [2, С.90].

Общим в существующих трактовках понятия «политический интерес» является обозначение избирательного отношения институциональных и социальных субъектов политики к общественно-политическим процессам, явлениям и событиям, что отражается в постановке политических целей и действий по их достижению. Политологи сходятся во мнении, что политический интерес возникает в ситуации, когда обнаруживается наиболее оптимальное средство достижения желаемой цели, когда открывается возможность, реализация которой в большей степени способствует удовлетворению потребности во власти, управлению, политической организации. Интерес,

как своего рода проекция потребностей субъекта политики на объективные возможности объясняет причину, почему политический интерес также определяет так называемую «меру» политического участия.

В работе «Страсти и интересы» А.О. Хиршман отметил, что с первых теоретико-политических построений античности и по сегодняшний день политический интерес играет двойственную роль, приписывая и определяя субъекту меру свободы действий во власти по сравнению с теми границами, которые установлены ему традициями, верованиями, нормами, однако одновременно и навязывает новые ограничения, исходящие из расчета, меры, благоразумия [3, р.42]. Согласно А.О. Хиршману, политический интерес предстает в истории науки как отражение двух элементов: эгоцентризма и рационального расчета, т.е. постоянной оценки затрат, прибыли, возмещения, причем второй элемент является главным, а первый проистекает из него [3, р.43].

Большинство современных ученых сходятся во мнении, что основой политического интереса является существенная зависимость положения субъекта в обществе от сферы политики, а сама конфигурация политических интересов определяется в конечном счете стремлением упрочить или изменить положение субъекта в обществе с помощью политических средств.

Под констелляцией политических интересов мы понимаем взаимное расположение, взаимодействие, конфигурацию политических интересов субъектов во властном поле. Термин «констелляция интересов» используется для обозначения ситуации высвобождения интересосубъективного процесса, в котором властные ориентации скапливаются вместе и становятся потенциально готовыми к действию. Констеллированные интересы являются комплексами, сформированными по определенным правилам и обладающими пространственно-временными характеристиками. Иными словами, на политической арене интересы проявляются как стремления субъектов к определенным властным ресурсам, ценностям, связям, нормам, что напрямую связано с формированием и реализацией властных предпочтений.

В научный оборот понятие «конstellация интересов» вводит М. Вебер. Понятие буквально обозначает взаимное расположение и взаимодействие интересов, устремлений, ориентаций социального актора. Обращение к проблеме конstellации интересов позволило ученому объяснить, почему политический субъект в своем поведении вынужден ориентироваться на интересы других, а государственный интерес становится одним из источников послушания порядку, опосредованно дисциплинируя индивидов и направляя их на социально одобряемую деятельность: «В самой общей форме содержание указанной конstellации интересов можно чисто формально определить так, как это уже многократно определялось, а именно следующим образом: отдельный индивид полагает, что он может рассчитывать на совместно принятый посредством обобществленного объединения характер действий другого или других и что в его интересах полностью ориентировать на это свои действия» [4, с.507].

Общественно-политическая ситуация выступает в качестве объективной основы формирования интересов социальных групп и отдельных людей. Если для реализации подобных предпочтений необходимы политические средства, такие как изменение государственной политики, участие в парламенте, поддержка партий, лидеров, политическое давление и т.д., то их использование запускает процесс конstellации политических интересов.

В силу того, что каждая историческая эпоха формирует свойственные ей правила, нормы и институты, в центре внимания ученых были различные политико-правовые аспекты интереса. Так, в период античности главное внимание в государственном устройстве уделялось интересам круга лиц, допущенных к участию в политической деятельности. Этим и были обусловлены повышенное внимание к конфигурации интересов, стремление определить отвечающую интересам форму правления. В Средневековье теоретико-политическое толкование интереса велось относительно соотношения государственной и церковной власти. В свою очередь в центре внимания идеологов буржуазии XVII–XVIII вв. конstellация политических интересов была связана с проблемой легитимацией права на управление, субординации и гарантий политических связей. Политический кризис начала XXI в., высокая динамика социально-политических процессов, разрушение существующих общественных структур, привычных традиций, устоявшейся политической культуры заставляет вновь обратиться к анализу политических интересов, их актуального содержания и специфики.

Анализ работ, посвященных исследованию конstellации интересов, свидетельствует, что

данная тема не только сохраняет свою актуальность, но и ставит перед современной политической наукой значительный круг проблем, связанных с кардинальными изменениями в мире, решение которых имеет самое непосредственное отношение к судьбам отдельных стран и народов. Вслед за М. Вебером свой вклад в разработку данной научной проблемы внесли такие современные представители западной политической мысли как Дж. Гелбрейт, П. Самуэльсон, М. Фуко, Л. Роббинс, П. Бурдьё, К. Макконелл, С. Брю, М. Фридман, Е. Вятр, Ф. Хайек, Ю. Хабермас, Н. Пуланзас и др. Среди отечественных исследователей следует назвать О. Аверина, С. Андреев, В. Сиренко, Ю. Тихомиров, А. Денисов А, Н. Карпенко и др.

На сегодняшний день исследуемая проблема остается недостаточно изученной, и поскольку не может быть раскрыта в рамках одной статьи, нашей целью является иллюстрация и анализ эвристических возможностей существующих теоретико-методологических подходов в обосновании конstellации политических интересов как процесса и результата взаимного расположения и организации политических ориентаций, стечения социально-политических обстоятельств в конкретные предпочтения, ориентиры, векторы развития. В методологическом плане в процессе исследования основное внимание было сосредоточено на выявлении теоретических положений, обуславливающих концептуальность, системность существующих подходов к пониманию конstellации политических интересов, на выяснении существенных аспектов, лежащих в основе данного явления. При всем многообразии имеющихся точек зрения и концептуальных подходов есть основания утверждать, что имеется ряд наиболее общих, характерных черт, которые можно рассматривать как исходные методологические основания для дальнейших исследований в направлении анализа локалов политических интересов.

М. Вебер понимал под политическим интересом стремления субъекта добиваться политической и социально-экономической выгоды, благ и преимуществ. Субъект, в свою очередь, рассматривался как носитель интереса, т.е. ориентированный на максимизацию ресурсов, повышение статуса, получение власти, избавление от рамок и ограничений. Как отмечал автор, подобная ориентация указывала на естественное стремление, изначально заложенное в человеческой природе. В то же время, конstellация интересов понималась как выбор субъекта, а не установка социально-политической системы. Это постулировало, что интересы не объективны как продукты политического взаимодействия и политической структуры, однако

не отрицало, что политика создает условия, в которых эти интересы возникают и реализуются субъектами взаимодействия [4, С.632.].

В своих политических трудах М. Вебер выделил круг проблем, определяемых действием интереса, в большей степени в его инструментально-прагматическом значении. Рациональный контекст позволил ему определить тесную связь интереса с ожиданиями, ценностями и нормами, установить характер проявления интереса в политике, где он определил его как сплав двух ключевых элементов: «ясного осознания» и «недостатка чувства связи». Политический интерес классика удалось охарактеризовать и как имманентное свойство (атрибут) субъекта и «ассоциативное отношение» к объекту.

В противоположность веберовской идее рациональности, В. Парето процесс констелляции политических интересов описывал как взаимодействие иррациональных, инстинктивных направленностей субъектов во власти, которое имеет ситуативный, изменчивый характер, и лишь потом рационализирующуюся до уровня цели и мотива [5].

В объяснении проблемы констелляции политических интересов сегодня остаются востребованными и ряд марксистских идей. В марксистском понимании политический интерес выступает конструктом, объясняющим связь между экономической составляющей общества, базисом и элементами надстройки. Политические интересы формируются на базе объективной материальной потребности за счет взаимной зависимости людей в процессе совместной производственной деятельности. Подчеркивая исключительное значение материального интереса в сложной динамике политической активности, В.Ф. Сиренко в работе «Интересы и власть» вторит классикам марксизма, которые определяли интерес как связь и взаимозависимость индивидов, между которыми разделен труд, как свойство субъекта, обусловленное наличными в обществе экономическими отношениями. В.Ф. Сиренко объясняет специфику формирования и особенности конфигурации политических интересов категориями «необходимое» и «возможное», объясняет политические интересы обращаясь к феномену «легитимации собственности». Констелляция политических интересов связывается автором с формированием и реализации во власти конкретных способов удовлетворения потребностей политических субъектов исходя из их положения в политическом поле [6].

По-прежнему, в своей классовой трактовке политический интерес раскрывает диалектическое единство объективных политических реалий и субъективных стремлений, предполагает, что на онтологическом уровне интересы не выступают

как вечные и неизменные свойства, а меняются в зависимости от типа производственных отношений и положения субъекта в системе общественного разделения труда. Также присутствует идея противоречивого взаимовлияния личного и общественного интересов, который выражается в стремлении субъекта реализовать частный интерес с необходимостью следования классовому интересу как условию его реализации.

В неомарксизме Н. Пуланзаса проблема констелляции интересов рассматривается в контексте социальной практики и вытесняется из контекста социальной структуры. Понятие «интерес» выступает инструментом описания ограничений, рамок активности класса, в то время как понятие «практика» иллюстрирует процесс социального развития в рамках, определяющих масштабы активности одного класса по отношению к другому. Таким образом, констелляция интересов есть не что иное, как контуры активности, которые отделяют один уровень политического взаимодействия от другого, описывают насколько интересы одного класса ограничены только и непосредственно социальной практикой другого антагонистического класса: «классовые интересы как рамки распространения специфических классовых практик, располагаются относительно интересов других представленных классов» [7].

Значительно обогатили оригинальными идеями разработку проблемы констелляции политических интересов представители американской политической науки. Доминирующий прагматизм и эмпиризм явились своеобразной альтернативой теоретическому обобщению политической жизни, предлагая как практические модели успешной деятельности субъекта в конкретных ситуациях, так и решение актуальных политических проблем и конфликтов.

Теория конфликта, которая вышла на авансцену политологического знания в 60-70-х гг. XX века, оказалась не только первым, но и наиболее значительным вызовом структурно-функциональной трактовке политических интересов. Теоретиками конфликтологического подхода поднималась проблема, каким образом в процессе реализации разнообразных, противоречивых интересов социальных слоев, групп и индивидов формируется политический порядок. В теории конфликта политические интересы напрямую связаны с объяснением феномена власти, ибо основополагающим принципом выступило положение, что в обществе всегда присутствует скрытое или явное противостояние интересов как стремлений к успеху и первенству [8, С.23].

Политический интерес по Р. Дарендорфу рассматривается как источник противоречивости

политической жизни, как причина социально-политических конфликтов и факторов адаптации субъектов к изменяющимся условиям. Диалектика конфликтующих интересов, их институционализация, указывала на сходство позиции Р. Дарендорфа с марксистской идеей осознания классовых интересов и мертоновским пониманием функциональности ролевых структур. Однако если у К. Маркса в основе констелляции классовых интересов было положено стремление к собственности и владению средствами производства, у Р. Дарендорфа раскрывается процесс институционализации властных отношений и реализации права распоряжаться ресурсами [9].

Если в описании характера связи власти и интереса Т. Парсонс полагал, что функция власти состоит в поддержании целостности, сохранении согласованности ценностей и интересов [10], то Р. Дарендорф придает наибольшее значение неинтегративному аспекту власти, порождающему конфликтные интересы и соответствующие ролевые ожидания. Иными словами, конфликтологический подход объясняет феномен власти формированием, перераспределением, институционализацией нового набора властвующих и подчиняющихся ролей со свойственной поляризацией ориентаций. Предлагая изучать любую социально-политическую организацию как императивно координированную ассоциацию, построенную по принципу стандартизации ролей и распределения власти, Р. Дарендорф вкладывал в понимание интересов значения блага, выгоды, узаконенного права на управление. Бесспорным вкладом Р. Дарендорфа в теоретическую разработку проблемы констелляции интересов послужило понимание, что степень кристаллизации и выраженности интересов в континууме социально-политического конфликта во многом зависит от степени мобильности субъектов взаимодействия и от эффективности механизмов, регулирующих интенсивность конфликта.

Другой представитель конфликтологического подхода Л. Козер уместно подметил экстенсивность понимания Т. Парсонсом интереса субъекта в значении эгоистической разрушительной силы, дисфункционального фактора, нарушающего устоявшуюся систему властных отношений. В предложенной социологом концепции позитивно-функционального конфликта за основу анализа власти была взята имманентная враждебность, столкновение и борьба интересов [11, С.59].

Изучение проблемы констелляции политических интересов и формирование властных предпочтений предполагает рассмотрение и других подходов, в которых власть может выражать не только интересы политического субъекта, а собственно интересы политической организации.

Следует вспомнить рассмотрение М. Фуко власти безотносительно политическому интересу. Ученый решительно отклоняет любое персонифицированное представление власти, т.к. рассматривает её согласно динамике сложившейся политической системы, которая не может быть приравнена к постоянно меняющейся конфигурации многочисленных интересов политических групп и заинтересованных субъектов.

Согласно ученому, сама власть детерминирует появление и конфигурацию интересов, а не наоборот, при этом нельзя идентифицировать большое количество политических интересов, которые динамично определяют специфику как внутренней, так и международной политики. Несмотря на то, что М. Фуко отказывался учитывать «игру интересов» в осуществлении власти, он охотно связывал развитие политической системы с классовым контролем [12, С.74]. Ученый полагал, что признание власти как реализации частного интереса означает лишь то, что интересы могут быть использованы в стратегиях доминирования, на что ещё в свое время указывал Р. Дарендорф.

Сталкиваясь с критикой идеи констелляции интересов без субъектов, М. Фуко отмечал, что последовательная, рациональная стратегия реализации политического интереса не определяет природу власти, что властные отношения только эксплуатируются частными интересами на политической арене. Э. Гидденс в работе «Устроение общества: очерк теории структуризации» также придерживается точки зрения, что «власть не связана с удовлетворением частных интересов», поскольку отражает не желанный ресурс или специфический тип поведения, а характер всей деятельности в целом. [13, С. 57].

Как в своё время отметил А. Хиршман, политический интерес характеризует направленность на средства удовлетворения потребности, а также направленность на реализацию цели. Поэтому интерес стал одним из главных аналитических конструктов в объяснении как государственных целей, так и личностных стремлений к власти [3, р.184]. Специфику констелляции политических интересов исходя из принципа «цель — средство» разработал Дж. Коулмен [14]. Однако критики теории рационального выбора оправданно отмечают, что достаточно очевидное на теоретическом уровне различие цели и средства, теряет уместность для анализа конкретных политических ситуаций на практике. Есть различные способы достижения целей, кроме того, одни пути более эффективны, чем другие, но реализация целей совершается в политической ситуации, в которой другие политические агенты также пытаются реализовать свои цели. Кроме того, политическое действие

часто характеризується ризиком і ситуативністю. Визначення кращого образу дії по реалізації політичної цілі не випливає з логічної раціональності, в якій було б можливо визначити априорно найефективніший спосіб досягнення цілі. Як тільки раціональність політичного дії визнана, різниця між засобами і цілями втрачає більшу частину своєї субстанційності.

Непосередня мета стає засобом для того, щоб досягти більш загальної цілі, в той час як засоби перетворюються в перспективні, стратегічні цілі. Різниця між орієнтованим на мету і орієнтованим на засоби властними перевагами стає очевидною, коли стосується невідчужуваних цінностей або найбільш загальної розподілюваної політичними суб'єктами цілі. Наприклад, група робітників захищає в забастовках свій інтерес. Забастовка може розумітися або в термінах реалізації цілі (покращити зарплату або умови роботи), або як крок до досягнення більш високої цілі (можливо полегшуючий перехід до влади політичної партії близької до робітничого руху).

Оскільки на онтологічному рівні цілі і засоби проникають одна в одну, або швидше цілі перетворюються в засоби, і навпаки, т.е. тверда дихотомія між ними зникає. З цього випливає, що політичні інтереси в поясненні раціональності суб'єктивного прагнення до влади не стосуються окремо розглянутих засобів або цілей політичного дії, а описує їх єдність. Визнання інструментального характеру політичного інтереса передбачає, що конфлікт інтересів не може бути визначений априорно в ізоляції від ситуації, в якій вони реалізуються. Оскільки конфігурація інтересів змінюється безпосередньо в практиці взаємодії політичних суб'єктів, вважаємо, що ситуативно-діяльнісний, просторово-часовий характер конфлікту політичних інтересів повинен бути закладений в їх основу.

На наш погляд, найбільш евристичним потенціалом пояснення особливостей конфлікту політичних інтересів володіє теорія поля П. Бурдьє, яка в своєму аналізі властних переваг агента в політичному полі враховує і владу капіталом, і придбані габітус, і встановлені практики, і власний інтерес даного поля [15, С. 212]. Так, П. Бурдьє на прикладі стратегії офіціалізації обґрунтував особливості формування конфігурації і узгодження політичних інтересів суб'єктів у властному полі. Вчений вказував, що політика служить особливо сприятливою сферою застосування

стратегії офіціалізації: прагнуть отримати право представляти групу і відняти його у конкурентів, суперничаючи в боротьбі за владу агенти можуть використовувати один проти одного тільки ритуальні стратегії або ж стратегічні ритуали, націлені на символічну універсалізацію приватних інтересів або на символічне присвоєння собі інтересів офіціальних: «При відсутності скріпнених політичних інстанцій, наділених фактичною монополією на законне насильство, власне політичні дії можуть здійснюватися тільки з допомогою ефекта офіціалізації» [15, С. 94].

Таким чином, дійсна суспільно-політична ситуація виступає як основа формування інтересів політичних груп і окремих суб'єктів політики. Якщо для реалізації подібних переваг необхідні політичні засоби, такі як зміна державної політики, участь в парламенті, підтримка партій, лідерів, політичний тиск і т.д., то їх використання запускає процес конфлікту політичних інтересів. Вивчення проблеми конфлікту політичних інтересів передбачає розгляд інших підходів, в яких влада може передбачати не стільки інтереси політичних суб'єктів, скільки інтереси політичної організації в цілому.

Література:

1. Политология: Краткий словарь основных терминов и понятий. / Под ред. Пусько В.С. — М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2010. — 112с.
2. Словарь-справочник по социологии и политологии / Э.В.Тадеев; под ред. Л.К.Кравцова. — М.: Знание, 1996. — 272 с.
3. Hirschman A. The Passions and the Interests: Political Arguments for Capitalism before its Triumph. — Princeton: Princeton University Press, 1977. — 192 p.
4. Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии / Макс Вебер // Западно-европейская социология XIX — начала XX веков. — М., 1996. — С.491—507.
5. Pareto V. Elites and Their Circulation, C.S. Heller (ed.), Structured Social Inequality: A Reader in Comparative Social Stratification. — NY., 1969. — 134 p.
6. Сіренко В.Ф. Інтереси і влада. / Василь Сіренко. — К.: Оріони, 2006. — 536 с.
7. Poulantzas N. Political power and social class / Nicos Poulantzas. — London: New Left Books and Sheed and Word, 1973. — 367 p.
8. Бернацкий В.О. Интересы, их взаимодействие и функции: автореф. дис. на получение науч. степени д-ра филос. наук: спец. 09.00.01 «Онтология и теория познания» / В.О.Бернацкий. — М., 1988. — 31 с.
9. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта / Ральф Дарендорф // Социологические исследования. — 1994. - №5. — 142-147 с.
10. Parsons T. Politics and Social Structure / T. Parsons. — NY.; London, 1969. — 351 p.
11. Козер Л. Функции социального конфликта / Пер. с англ. О.А.Назарова; под общ. ред. Л.Г.Ионина. — М: Идея-Пресс, 2000. — 208 с.

12. Фуко М. Археология знания / М.Фуко / Пер. с фр. С. Митина, Д. Стасова; общ. ред. Бр.Левченко. — К.: Ника-Центр, 1996. — 208 с.

13. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. — 2-е изд. — М.: Академический Проект, 2005. — 528 с.

14. Coleman J.S. Foundations of Social Theory. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990. — 436 p.

15. Бурдые П. Практический смысл. / Отв. ред. Н.А.Шматко. — СПб.: Алетейя, 2001. — 562 с.

Александров Д.В. Констеляція політичних інтересів у владному полі відносин: методологічні пошуки. — Стаття.

Анотація. У статті робиться спроба методологічного обґрунтування послідовності виникнення і механізму реалізації «локалів» політичних інтересів. Основна увага автора зосереджена на виявленні теоретичних положень, що обумовлюють концептуальність, системність існуючих підходів до розуміння констеляцій політичних інтересів, на з'ясуванні сутнісних аспектів, що знаходяться в основі цього явища.

Ключові слова: політичний інтерес, констеляція, методологія, владні відносини.

Aleksandrov D.V. Constellation of political interests in the power field of relations: methodological search. — Article.

Summary. An attempt of methodological grounding of origin and mechanism of realization of political interests is undertaken in the article. Basic attention of author is concentrated on the exposure of theoretical positions which stipulate conceptualism, system of the existent going near understanding of constellation of political interests, on finding out of essence aspects which are in basis of this phenomenon.

Keywords: political interest, constellation, methodology, imperious relations.